

Работу выполнила: ЗАХАРОВА Наталья Героевна

Я вернулся... письмо родным без вести пропавшего

ЗДЕСЬ Я... ЗДЕСЬ!

Без малого 70 лет я лежу у деревушки Белогурово, что подо Ржевом. Я – это рядовой Гаркуша Дмитрий Иосифович.

На долгие годы меня приютила воронка. Пав в смертном 42-м на ближних подступах к Ржеву, и сброшенный, как сотни других убитых на этом поле, в яму, подальше от людских глаз, я все эти годы жду, когда за мной придут. Ведь обещали вернуться и похоронить по-человечески. Прах солдатский, не кости скотины! Где же вы, люди?

Все эти годы я храню на себе гильзу со смертной запиской, куда перед боем вписал свои данные и данные о родных. В ней моя последняя надежда, что когда-нибудь ее найдут, прочитают и сообщат родным, что не без вести пропал, а честно отдал жизнь за вас, люди.

... Не помню я того боя. Раз за разом мы поднимались на те несколько покосившихся закопченных печных труб, что остались от деревни. И всякий раз нам навстречу из развалин устремлялся свинцовый смерч. Уже и шага ступить некуда – все поле в телах. Вчера убило Васю Степаненко с Алтая и Васю Землянского с Брянщины, засыпало в траншее, откопать было некогда. Бегу вперед. Вон, смотрю, споткнулся и обнял землю Сема Максимов, тоже с Алтая, следом снопом повалился Ваня Лукиных из Шадринска. Скорей бы и меня убило, все равно не выжить в этом аду, а дальше терпеть сил нет...

Ох, вот настал и мой черед. Силюсь вспомнить, а не получается. Только вспышка... и вот я лежу. Деревню мы ту так и не взяли. Немец сам оттуда ушел. Вслед за ним на заход солнца ушел и мой поредевший батальон. А мы остались...

Давно на земле закончилась война, и мы, не погребенные и забытые, слышали с этого поля, как в 45-м гремели над страной победные салюты. Сотни раз я чувствовал, как там наверху, по земле, мимо меня и по мне ходили люди, ездили трактора, что-то сеяли. Им было не до меня. Живым нужно было живое. Плугами они резали землю, разрывая в клочья то, что осталось от моих лежавших тут же товарищей. Посыпали удобрениями землю, сжигая напрочь то немногое, что хранила земля от нас, убитых. Уже сквозь меня проросли корни. Уже истлела на мне гимнастерка, уже и осколки, сразившие меня в 42-м, смешались с землей. Уже и сам начал становиться землей. А я все ждал.

МОЙ ДОМ РОДНОЙ

Передо мной раз за разом прокручивается прошедшая жизнь. Тебя, Лизавета, вспоминаю, дочурок - старшенькую Зою, среднюю Настену, да младшенькую, Надюшку. Как они плакали на большаке за околицей вместе с тобой, Лиза, когда провожали на войну. Ты, супруга моя верная, еще перекрестила своего

мужа вослед... И ведь было тогда мне всего 39 лет, столько же, сколько сейчас некоторым моим внукам... И все казалось еще впереди...

Вспоминал родной дом, отца - Иосифа и мать - Полину - родом из-под Чернигова, оттуда наши корни. Еще до революции родители в поисках лучшей жизни перебрались в Зауралье, где им обещали хороший надел земли и освобождение на три года от налогов. В Чесноковке Звериноголовской волости я и родился студеным 4 января 1903 года. В сельсовете всех Гаркуш записывали Гаркушиными. Так проще сельчанам и понятнее. Семья наша была большая, старшие братья и сестры. Я, стало быть, последний, пятый, у бабки с мамкой, "поскребыш", как говорили на Руси. Помню, очень было голодно. Родители оставили нас на бабушку, а сами подались на два года на заработки в красноярский Минусинск. За это время много чего поменялось в моей жизни и на селе. Я окончил церковно-приходскую школу, научился чтению и письму. В деревне открылась изба-читальня, и я тайком от деда бегал туда почитать книжки...

Каждое воскресенье бабушка Полина брала меня на службу в местную церковь. Шли с ней босиком по пыльной дороге, перекинув обувь через плечо, и лишь перед церковью надевали ее на ноги. Старшие всегда веровали в Бога и дома в красном углу стояли иконы, перешедшие по наследству от пращуров, теплилась лампадка. Когда пришли советы, образа сняли и укрыли в потайном месте.

...Родители вернулись из Минусинска по весне. Помню, как тятенька обошел двор и постройки, где мычала единственная коровенка. Заглянул в овин, откуда накануне коммунары выгнали овечек с ягнятами, якобы в налог за то, что в семье нет колхозников. Зашел домой и сказал: "Другого выхода не вижу, надо вступать в колхоз". Тяжело ему было принимать такое решение.

Гаркуши никогда не слыли лентяями и лежебоками, во дворе у нас всегда водилась скотина и лошадь, наделы земельные были чистыми и ухоженными. Трудились отец с матерью на колхозных полях с утра до ночи. А дома с хозяйством управлялись мои старшие братья и сестры. Я, как немного подрос и окреп, тоже стал помогать на бригаде родителям. И на покосе стоял верховым, завершал зароды сена, и землю пахал вместе с отцом. То было детство...

Тяжелое и безмятежное. И такое далекое теперь...

...Помнишь, Лизавета, как мы встретились с тобой на танцах в сельском клубе? Ты мне сразу приглянулась своей бойкостью. А гармошки до первых петухов? И наша свадьба. Всем селом гуляли! Как отделились от родителей, поставили свой домишко, колхоз здорово выручил. Вся деревня "на помочах" тогда была – так всегда было на Руси. И в радость и в горе мы всегда шли вместе.

Детишек завели на радость родителям. И жить бы нам, да поживать, да случилась война. Не пожилось тебе, Лиза, замужем.

Мужчин всех паровых одного за другим начали забирать бить немца. Подросла и моя пора. Дожливой осенью 41-го, когда немец стоял уже у Москвы, меня и других сельчан, среди которых были Ванька Мекшун, Петька Живцов, Акимка Меняйлов, Петька Мартьянов, призвали.

Попал я сперва в Челябинск в 26 запасной полк. Потом нас вернули в Курган, где в это время формировалась 369 стрелковая дивизия. В декабре 41-го погрузили в эшелоны и прямиком на Калининский фронт. За Москвой, пока

ехали, наш эшелон несколько раз бомбили, и мы выскакивали из вагонов, разбегались по полю. Командиры, матерясь, нас собирали. И всякий раз мы кого-то не до считывались, серыми бугорками они оставались лежать в поле... Выгрузили на станции Лихославль и пешим порядком к фронту, куда-то подо Ржев. А через несколько дней первый бой... Брали одну за другой деревушки. Одно название, что деревня, от иных окромя торчащего из снега плетня ничего не осталось...

Что потом? Под Мончалово наша дивизия попала в окружение. Многих я тогда товарищей оставил там. Меня же до поры до времени судьба оберегала. Лежать бы мне в тех болотах, как многим, но хранила ты меня, Лизавета, своей любовью. Повезло, ранило, попал в госпиталь. Лежал в Кинешме, что в Ивановской области. Тяжело меня тряхнуло, в марте 42-го только выписали. И снова подо Ржев, будь он трижды проклят...

В свою дивизию я уже не вернулся, нас, латанных-перелатанных, вместе с пополнением в составе маршевой роты влили в одно из подразделений, что освобождала Зубцовский район. Нет, Лизавета, то, что нам тогда довелось испытать, я описать тебе не смогу. Под райцентром Зубцов мы форсировали реку Вазуза. Сейчас там водохранилище, а тогда ширина у нее была 40-70 метров. Много нашего брата потопло здесь, так лежат они сейчас на дне, до них уж точно теперь никому не добраться...

Мне же вновь повезло. Не пал я скошенным под Михеево, не окрасил своей кровушкой Красный овраг. Это сейчас его так зовут, потому что в 42-м вода там была под цвет нашей крови... Лежать бы мне под Болтино или Зубарево, да берегла ты меня, Лизавета. Судьбой мне было отмерено прожить еще немного и лечь на поле между Белогурово и Костоносоро, в 100 метрах от речушки с таким домашним названием – Гостижа, не добежав этих метров до немецких траншей...

И вот я лежу...

ХОЧУ ТЕБЕ РАССКАЗАТЬ

...Нет, Лизавета, умереть мне было не страшно. Страшно было не увидеть больше тебя и детей. Страшно было не умереть, страшно было не жить! А мы с тобой почитай и не пожили...

Больно тоже не было, боль пришла потом, когда понял, что за нами никто не вернется. Еще было обидно, что мало этих гадов раздавил. За деревню мою и детей, за лишения, которые ты перенесла во время и после войны, родная... Горькую чашу испила ты, жена моя. Знаю, в голодном 43-м принесла с зернохранилища тайком домой зерна, чтобы вперемешку с лебедой лепешек испечь для детей. А кто-то подглядел... Знаю я кто это, да Бог ему теперь судья. Сам он себя наказал, задавало его потом в лесу деревом, а кости зверье растащило...

За тот килограмм советская власть "отвалила" тебе полновесный кусок - срок. Как моя душа стенала, когда видел я все это, Лизавета! Видел, как сестра моя забрала Наденьку, самую младшенькую, к себе. Как старшие мои доченьки трудились в колхозе, чтобы не умереть с голоду. Как сердобольные люди

помогали тайком... Видел! И ничем не мог помочь! Коль жив был, разве допустил такого?! Не жили бы мои дочери в слезах и с шепотком за спинами, мол, мать - воровка, а отец не знамо где, поди к немчуре подался... Видел, Лизавета, как ты писала запросы обо мне, а в ответ получала казенную бумага с безразличным ответами: «пропал без вести...», «сведениями не располагаем...». Видел, как тайком от дочерей ночами ты рыдала в подушку, вцепившись в нее зубами, чтоб стенаний твоих не слышали доченьки... Ничего не мог я сделать, только к Богу обращался и молился за вас...

Я НАЙДЕН!

Чу! Кто-то идет по полю. Щупом землю проверяет. Ну, найдите же меня, найдите! Тут я! Всего 70 сантиметрами земли прикрыт! Мимо прошел... Нет, возвращается! Вот лопата коснулась меня... И вдруг брызнул свет, аж ослепило! Браааатцыыыы! Меня нашли! Гильзу мою с запиской рассматривает, косточки одну за другой в мешок укладывает. Вон в том углу еще копни, друг, там ложка моя лежит, родным ее передай! Как хорошо все же, Лизавета, что записку я свою заполнил. А ведь многие мои товарищи пустили свои медальоны на курево или просто выбросили. Навечно безымянные теперь... Ну вот, через 70 лет и моя молитва дошла до Бога, услышал он... Какая благодать на меня спускается... Все, пора мне домой собираться...

ЗУБЦОВ

Ну, здравствуй, внучек Сашенька мой! Здравствуй, кровиночка моя! Чуял, что приедет за мной кто-нибудь из нашего разросшегося рода Гаркушей - Добрыдиных - Тарасовых - Ельциных. Хороший сынок вырос у Наденьки моей младшенькой! И как ты похож, Саша, на меня! Не оставил деда, помог домой вернуться! По дороге в родную Чесноковку сколь рассказов от тебя услышал! И то, что у меня теперь 10 внуков да 16 правнуков. Что растет третье поколение Гаркушей - 8 праправнуков! Значит, не зря я голову сложил за род свой, продолжился он в Надюше и Настасье, в их детях и внуках! Спасибо зубцовским ребятам, что приняли меня как родного и по православному обычаю снарядили в дорогу домой. Что тебя, внучек, встретили да отправили в дорогу со крестом...

КУРТАМЫШ

Ну вот, наконец-то добрались до станции, откуда отправляли нас в Челябинск. Изменилось село, не узнать теперь. Разрослось, каким-то высоким стало. Или это меня все больше к земле родной притягивает? Особую честь оказали, в районном музее прах поставили, чтобы земляки могли проститься со мной... Не думал я, что позже своей Лизаветы и доченьки старшей Зои, буду земле предан. Скорее везите меня на малую родину, где дом наш со ставенками скрипучими, ворота, из которых 70 лет назад шагнул я в безыизвестность...

ЧЕСНОКОВКА

Родные мои и горячо любимые, здравствуйте! Ваш солдат, рядовой Гаркуша Дмитрий Иосифович, воротился на родную землю! Я обрел покой, благодаря вам, современники! Вижу дом свой и старый клен у изгороди, конотопку около калитки и скамейку. Низкий поклон тебе, земля родная! Слышу ваши голоса... Мне и грустно, и радостно. Грустно от того, что навсегда отлетаю теперь ко своему Отцу Небесному, радостно, что проводить меня вышли все. Значит, память крепка у вас, земляки! Отрадно, что доченьки мои папку своего не забыли, помнят и чтут. Вот теперь рядом с Лизаветой лежать буду да с отцом и матерью моей! Низкий поклон вам, люди добрые! Я вернулся!

(События тех страшных дней восстановлены командиром поискового отряда "Броня" Алексеем Кузнецовым, с помощью которого и найден солдат Гаркуша).

На зубцовской земле прах принимает внук солдата Гаркуши Александр. В музее г.Зубцов.

На Куртамышской земле. Возвращение солдата. (Фото С. Батуева)